

ШАПОВАЛ Н.В. (студентка философского факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ С.БУЛГАКОВА

В статье «Эсхатологические мотивы в творчестве С.Булгакова» рассматриваются вопросы, касающиеся соотношения тварного и божественного начал, их специфической роли в окончательном сотворении мира. Автором проанализирована природа Булгаковского понимания ада как закономерного следствия впадения тварной свободы в произвол.

Ключевые слова: вечность, временность, необходимость, тварная свобода, ад.

Шаповал Н.В. ЕСХАТОЛОГІЧНІ МОТИВИ У ТВОРЧОСТІ С. БУЛГАКОВА В статті «Есхатологічні мотиви у творчості С. Булгакова» розглядаються питання щодо співвідношення тварного і божественного начал, їх специфічної ролі в остаточному створенні світу. Автором здійснений аналіз Булгаковського розуміння пекла як закономірного наслідку перетворення тварної свободи у свавілля.

Ключові слова: вічність, тимчасовість, необхідність, тварна свобода, пекло.

Shapoval N.V. ESCHATOLOGICAL MOTIVES AT S. BULGAKOV'S CREATIVITY The article «Eschatological motives at S. Bulgakov's creativity» points out some questions, connecting with the correlation between created and divine bases, theirs specific function in the final creation of the universe. Author expounds an interrelationship between eternity and temporary, as the last one is no other than eternity, stretching into the being and folding nothingness by creative way. Eternity grounds temporary, it is transcendental against temporary and needs nothing for itself. God as a creator of the universe present himself a presence eternity in temporary. It was payed attention to "cooperation" between the Supreme Being and all creation, while created liberty was assumed. The universe finds its final creation with matching of created liberty and necessity, divine and human bases only. God willing doesn't influence on the universe mechanically but by creative way, always according to the decision and action of created liberty for the best advantage of all creation. The creation is also the dispensation about creatures, the Lord Almighty is the Sustainer too. It isn't the dispensation of capricious and self-willed despot but a paternal unmercenary care. There is no pre-establishment in the world's activity or people's lives. Created liberty chooses and actualizes one probability from its indefinite variety. The Hand of the Sustainer is visible for ordinary person at the exclusive moments and only the Saints and Enlighteneds realize the world as a consistent miracle.

Author also has reviewed the nature of Bulgakov's comprehension of the hell as a natural effect of created liberty, which felt into the arbitrariness. Aspect, which is concerning a hell as potential but not obligatory ontological effect of the action of created liberty, is cleared out. Hell grows from the no volition of the good and disagreement between real and subjective in the human nature. Hell like an evil doesn't have ontological existence. They are called the hallucinations, naturally appearing in the perverted souls. As God had accepted human liberty in corpora, it is indispensable to consider with all its outcomes even if they brings hellish agonies. They are an opposite side of the liberty. God's respect to the liberty declares itself just

in these agonies. No one may be saved by the forcible way. Therefore God's forgiveness is not enough for it, an availability to take the forgiveness is necessary too, it is called a repentance. More over the hellish agonies aren't applies on people but choose by themselves. So there is a probability to overcome it with the same human self, who has given birth to it.

Key words: eternity, temporary, necessity, created liberty, hell.

Наиболее значительное философское творение русского религиозного мыслителя и богослова С. Булгакова, его книга «Свет невечерний» является, по словам самого автора, итогом всего пройденного им духовного пути и в этом смысле духовной автобиографией или исповедью. Основную цель своего труда Булгаков усматривал в воплощении в умозрении религиозных созерцаний, связанных с жизнью в православии. «В свете религиозного опыта, как ни скудна его мера, зрится и оценивается “мир сей” с его тревогами и вопрошаниями» [1, с.3].

На сегодняшний день, в то время как человечество располагает всё большим объёмом знаний о нашем мире, когда неудержимо развиваются всё новые технологии, наблюдается постепенный упадок человеческой духовности и нравственности. Упадок того начала, которое также необходимо для жизненной гармонии, как и материальное. Указанные обстоятельства обуславливают **актуальность** данной проблемы и необходимость обращения к духовному наследию выдающегося представителя русской философии Серебряного века отца С. Булгакова.

В вышеназванной работе С. Булгаков акцентирует внимание на жизненном единстве имманентного и трансцендентного. «...В живом опыте познать Бога в мире, а мир в Боге – это предельная задача религиозного сознания» [1, с.3]. Такова установка, с которой Булгаков в своей книге подходит к рассмотрению различных вопросов, связанных с отношением Бога и мира, Бога и человека.

Свои эсхатологические представления о мире, вызванном к бытию творческой силой Бога, Булгаков излагает в разделе «Мир», главах “Время и вечность” и “Свобода и необходимость”.

Касаясь вопроса об отношении между временем и вечностью, мыслитель утверждает их соотносительность, поскольку время есть не что иное, как простёршаяся в бытие вечность, творчески объявляющая ничто. Временности подвластна всякая тварь, оно есть её качество. Для всего сущего время являет его ничтожество и преходящность, сама “жизнь есть торжество всеобщего умирания” [1, с.175]. Однако, отмечает Булгаков, в тайне тварности заложено противоречивое самосознание твари о временности и вечности своего бытия, ведь сознание временности может быть порождено лишь чувством сверхвременности жизни, при взгляде на неё из вечности. Личность никогда не сможет принять своё абсолютное исчезновение и уничтожение. Это объясняется тем, что человек «вечен и только родился для времени» [1, с.176]. Время находится в человеке, а не он во времени, это он развёртывает и свивает свиток времени в памяти своего духа, связывает его миги в непрерывный поток [1, с.176]. Вечность не следует искать *за* временем или *после* него – она наряду с ним, есть *над* ним как идеал, и *под* ним как его основа, осязающаяся временем через небытие.

Согласно Булгакову время имеет субъективно-объективную природу: оно выражает тварное восприятие мира и в то же время действительно есть, выражая тварное бытие. Сама идея времени, вопрос о его начале, “времени во времени” ведёт к антиномии. Время с одной стороны всегда ищет своё начало и конец, но с другой – не может найти их в силу своей природы, ведь каждый миг бытия ищет своё *прежде*, которое само есть *после* относительно своего *прежде* и так до бесконечности в обе стороны. Булгаков указывает на то, что необходимо принять их соотносительность, «время обосновывается вечностью», [1, с.179], которая трансцендентна ему и сама ни в чём не нуждается.

Бог, творя своей силой мир во времени, являет собой присутствие вечности во времени, то есть теофанический процесс, который есть вместе с тем и теогоническим: Бог, оставаясь по сущности своей превыше мира, воздвигает его и тем самым рождается в нём.

Так же как не возможно помыслить время за рамками вечности, так и нельзя, замечает Булгаков, предположить прекращение божественного творческого акта, что означало бы метафизическое уничтожение бытия. «Мир не уничтожим, хоть и не абсолютен, он бесконечен, хотя и не вечен, поскольку само время есть своего рода тварная вечность» [1 с.181]. По этой причине Булгаков отрицает представление о Боге как творце с определённого момента времени, прежде которого (и снова во времени) Бог пребывал во вневещном состоянии; Господь вечен, ко всему прочему, ещё и как творец во веки веков. И поэтому, мыслит философ, можно сказать, что и тварь совечна своему Творцу, хотя она и не самодостаточна и её вечность осуществляется во времени.

Поскольку мир обязан своим бытием Богу, который есть предвечный абсолют, он чужд свободе и связанных с ней возможностей и неверностей. Однако с другой стороны мир тварен и погружён в ничто и потому ему присущи многообразие и игра возможностей, то есть тварная свобода. Именно в ней тварь чувствует себя сомой собой.

Актуализирующееся творение Божье и тварная свобода, согласно Булгакову, порождают в мире закономерность, но не в смысле механического детерминизма. «В законах природы нет ничего, что делало бы их единственно возможными» [1, с.182], они существуют попросту в силу факта, пока не отменены Божьим всемогуществом. Единственной абсолютной закономерностью мира является Божья воля, её Булгаков называет *чудом*. Следовательно, мир совершенно не закономерен ни в каком смысле, но *чудесен*.

Давая твари свободу, Бог вступает с ней в сотрудничество, отказываясь при этом от своего всемогущества (не теряя его конечно при этом). Божье всемогущество и тварная свобода составляют, таким образом, основу тварного бытия. Творение есть ещё и промышление о твари, Вседержитель является также и Промыслителем. Но это промыслительство не своевольного и капризного тирана, а скорее, говорит Булгаков, отеческая бескорыстная забота. Никакой предустановленности в ходе мирового процесса и в судьбах людей не существует. Тварная свобода выбирает и осуществляет одну возможность из неопределённого их множества. А божественное промышление поскольку оно попустило тварную свободу влияет на мир не механически, но творчески, всегда в соответствии с её выбором и действием: «Провидение действует с абсолютной находчивостью и изобретательностью, направляя творческую комбинацию твари к благу с наибольшей целесообразностью» [1, с.183], именно в этом и заключена суть Божественной любви к творению.

Рука Промысла заметна для обычного человека лишь в исключительные моменты человеческой жизни и только для святых и просветлённых мир – непрерывное чудо.

Так как Бог не совершает насилия над человеческой свободой, ни мировое бытие, ни жизнь отдельного человека не может катастрофически оборваться, пока в них осталось что-либо недосказанным и невыявленным. Всякая эволюция в своих естественных пределах ненарушима, ведь она несёт в себе свой закон бытия и свершения, однако не стоит также забывать и то, что она не есть универсальный закон.

Именно в таком смысле, согласно Булгакову, следует понимать принципиальную возможность апокалипсиса, которая кажется на первый взгляд противоречием относительно тварной свободы. И всё же, утверждает философ, не следует вести речь об условности пророчеств. Их необходимо рассматривать именно в онтологическом смысле. В апокалипсисе скрыто не только лишь «будущее, заложенное в настоящем» [1, с.183], но и откровение относительно Божьего промышления о мире. Божественная сторона мирового процесса как некое единого целого доступна лишь сверхъестественному ведению, тварная свобода способна лишь на выбор и осуществление различных способов разрешения единичных мировых задач. Само существо творения ей неподвластно: она

даже не в силах существенно его испортить, не то чтобы погубить. «Бог создал мир наверняка» [1, с. 183].

Вместе с тем, отмечает Булгаков, будет ошибкой полагание данной безусловности как фатума и обречённости. Во временной жизни ничего не предопределено и не решено, здесь в полной мере действует свободная воля твари, от которой зависит собственное спасение. Из всего выше упомянутого достаточно хорошо просматривается предостережение Булгакова от уклона мышления во временность или же в вечность в понимании конца мироздания. Возникающее противоречие он объясняет слиянием двух различных порядков идей: совершенно неверно переводить вечную основу мира, где всё неподвижно, свершено и сверхвременно на язык временности и становления, где наоборот ничего не ясно, не решено и действует свобода.

Мировая история в своих собственных рамках временности является сплошной неудачей, каким-то трагическим недоразумением, все человеческие стремления так и остаются нереализованными в полной мере. Историческое время, в силу своей конкретности не может не иметь своего начала и конца, однако в пределах своей плоскости как-будто обречено на дурную бесконечность в «погоне за своим свершением». Данные противоречия – стимул для непрерывного движения, прогресса в решениях исторических задач, которые постоянно требуют своего разрешения.

И всё же это лишь иллюзия, поясняет Булгаков, смысл истории нам видится как бесконечное круговращение только при условии нахождения «наблюдателя» «в области исторической феноменальности, но под нею лежит глубокая почва исторической онтологии» [1, с.350]. На поверхности история не может закончиться непосредственно своими силами, но в своей глубинной основе путём свершений и достижения зрелости она обретает свой закономерный своевременный конец. И в этом смысле мир бесспорно удался, ведь он имеет оправдание своего бытия в закономерном конце и выходе *за* историю.

Под исторической зрелостью Булгаков понимает, конечно же, не достижения прогресса, которые уходят в своём движении в дурную бесконечность, а в богочеловеческих актах богооткровения и боговоплощения, то есть в религиозных событиях, открывающих переход в качественно другое состояние. Падения великих держав, построение мирового демократического государства – всё это тлен, имеющий онтологическое значение лишь в своей связи с «тем, что творится в недрах мира между Богом и человеком» [1, с.351]. И факт того, что человечество всё ещё чаёт чего-то в области религиозных откровений, Булгаков называет признаком внутренней незавершённости истории.

Для того чтобы хотеть конца всей душой, необходимо живое предвестие, явившее себя ещё в мире, в виде религиозного события и нового опыта. Пророчества неотменны, однако их смысл туманен. Их невозможно заранее раскрыть или выдумать. Именно религиозное сочинительство Булгаков называет величайшим религиозным безвкусием. Проблему преобразования бытия и ответ на неё философ оставляет искать уже *за* рамками истории или на грани *между* историей и метаисторией как переходом в совершенно иное состояние.

Вместе с осуществлением указанного события время прекратит свой бег, а мироздание достигнет, наконец цели своего бытия – лишь тогда окончится сотворение мира на основе Божьего всемогущества и тварной свободы. Участие последней в сотворении играет огромнейшую роль в судьбах мира, замечает Булгаков, поскольку только тварная свобода в силу своего несовершенства способна допускать ошибки, а потому благодаря ей мир *может и не удался*, хотя в своей незыблемой основе он вне всяких сомнений *удался*. Для того чтобы мир был окончательно сотворён необходимы обе основы и божественная и тварная, охраняемая силой Божественной любви. Необходимо добровольное слияние необходимости со свободой в единое целое, иными словами согласование божественного и человеческого.

Представ перед лицом Христа на Страшном суде, человек открывает истинный закон своей жизни и в соответствии с ним сам даёт оценку своему свободному жизненному творчеству. Бог не создавал ад, как некое специальное место наказаний для грешников. По сути ада онтологически нет. Однако благодаря прозрению за гранью смерти, которое пока для нас является непостижимым метафизическим актом, человек видит цельный образ себя самого, того, что дано от природы и воссозданного свободой. Чем больше это расхождение между подлинным и призрачным, реальным и субъективным, тем сильнее человек страдает, испытывая «адские мучения». «Прежде всего, это горечь разочарования, осознанная субъективность того, что полагалось за объективное»[1, с. 352]. Они возникают от абсолютного разочарования в себе и своём жизненном пути и нежелания или неспособности принять это разочарование. К этим чувствам прибавляется к тому же «сознание высшей своей природы и мучительно завистливое влечение к божественному миру»[1, с. 352].

Ад Булгаков относит к метафизической области небытия, которая отделилась от бытия посредством тварной свободы, нежелающей истины. Ад как и зло не имеет онтологического существования, их философ называет галлюцинациями, закономерно возникающими в больных душах.

Поскольку Бог признал человеческую свободу в полном объёме, то вместе с ней приходится считаться и со всеми её последствиями вплоть до адских мучений – обратной стороны свободы. В мучениях проявляется божественное уважение к свободе, поскольку никто не может быть спасён насильственным путём, то есть помимо прощения от Бога, необходима также и готовность его принять – покаяние. Более того, адские муки не налагаются на грешников, а избираются ими самими, а, следовательно, освободиться они могут при участии всё той же свободы. И мучает и мучается в человеке его же собственная самость.

Ад связан с человеческой свободой, ставшей произволом, поэтому это состояние Булгаков называет модальностью, а не субстанциональностью. Ад возможен, однако вполне мишуем для твари. Зло не имеет творческой самобытности и субстанциональности, а потому творение не может быть извращено им до непоправимого состояния, сердцевина бытия остаётся им не тронутой. Следовательно, и дьявол в своей бытийственной основе всё-таки ангел, только всесторонне извративший свою природу.

Причиной «вечных мук» является упорное нехотение добра, нежелание рая, богоборство. Они имеют силу только отрицательной вечности, как тень человеческой самости. Это означает, что их возможно прекратить, однако это не обязательно произойдёт, ведь существует тварная свобода. Другими словами свобода во зле имеет силу вечности лишь как дурной бесконечности, то есть строго говоря временности, не имеющей конца. Поэтому невозможно, говорит Булгаков, ни утверждать, ни отрицать неунничтожимости адских мук.

Подводя итог, отметим, что онтологическими основаниями мира и человека у Булгакова являются Божье всемогущество и тварная свобода. Допуская свободу, Бог «вступает в сотрудничество» со своим творением. Мир обретает своё окончательное сотворение лишь при согласовании свободы с необходимостью, божественного с человеческим.

Мир совершенно незакономерен ни в каком смысле, но чудесен, в виду проявления Божьей воли. Она влияет на мир не механически, а творчески, всегда в соответствии с выбором и действием свободы и наибольшей пользой для твари.

Ад есть возможное, но не непреложное онтологическое следствие свободы. Он возникает только от нежелания добра и расхождения между подлинным и призрачным, реальным и субъективным в человеческой природе.

Булгаков относит его к метафизической области небытия, которая отделилась от бытия посредством тварной свободы, нежелающей истины. Ад, как и зло, не имеет онтологического существования, то есть субстанциональности, а следовательно может

быть преодолен посредством той же человеческой самости, которая его породила для себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
2. [Булгаков С.Н.: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения](http://www.rp-net.ru/book/articles/materialy/bulgakov/). Научная редакция А.П.Козырева [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/articles/materialy/bulgakov/>
3. Мень А. Отец Сергей Булгаков. Из сборника «[Мировая духовная культура](http://www.alexandrmn.ru/books/mdc/mdc4_08.html)» [Электронный ресурс] / А. Мень. – Режим доступа: http://www.alexandrmn.ru/books/mdc/mdc4_08.html
4. Сапов В.В. Булгаков С. Н. // Русская философия: Словарь / под. общ. Ред.. М. Маслина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. – С. 67-69